

ЗЕМСКИЕ МИРЫ И ЗЕМСКОЕ ДВИЖЕНИЕ В РОССИИ В ГОДЫ СМУТНОГО ВРЕМЕНИ (1606–1614 ГОДЫ)

Период гражданской войны начала XVII в. стал временем активизации деятельности земских и сословно-представительских учреждений, что проявилось в выдаче земских уставных грамот, создании всесословных органов самоуправления в охваченных повстанческим движением уездах, самоорганизации посадского мира Пскова. Сравнительный анализ летописных сообщений и делопроизводной документации показал, что в течение 1608–1612 гг. всегородская изба Пскова контролировала ситуацию в городе и выборные органы самоуправления не допустили массовых конфискаций и репрессий.

V. Arakcheyev

DISTRICT COUNCIL COMMUNITIES AND COUNCIL MOVEMENT IN RUSSIA DURING THE TIME OF TROUBLES (1606–1614)

The period of the civil war of the early 17th century became the time of stirring up of the activity of district councils and estate-representing institutions, which manifested itself in issuing district council statutes, establishment of all-estate organs of self-government in rebellious districts (uyezds), self-organization of mayor government in Pskov. Comparative analysis of chronicles and clerical papers convinces that within 1608–1612 “all-city house (izba)” of Pskov was able to keep control of the situation in the city, and elective self-government organs prevented mass seizures and repressions.

Проблема, ставшая предметом рассмотрения в данной статье, подводит нас к одному из самых важных теоретических споров, касающихся истории России конца Средневековья и раннего Нового времени. Это проблема социально-политической

природы Русского государства в начале XVII в., вопроса о том, кому принадлежала власть и как она была распределена между различными участниками политического процесса. В дореволюционной российской историографии сформировалась концеп-

ция событий в России начала XVII в. как «Смуты», т. е. хаотичной социально-политической борьбы, в которую поэтапно вступали сословия, начиная с верхов и заканчивая низами.

С. М. Соловьев и С. Ф. Платонов, подробно проанализировавшие ход «земского движения» в северно-русских городах в 1608–1609 гг., не сопоставили его с аналогичным движением на Северо-Западе России, в Пскове. Общая характеристика этого явления, данная Платоновым, оказалась точной, хотя и беглой: причину согласованности действий их жителей исследователь усматривал в «однородности мирской организации по городам и торгово-промышленных отношениях, скреплявших взаимной связью хозяйственную жизнь различных районов московского севера»¹. Исследованию и осмыслению роли земских учреждений в годы Смуты мешало, однако, утвердившееся в науке представление об их упадке в начале XVII в.² Поскольку в советской исторической литературе возобладала концепция Смуты как крестьянской войны, изучение деятельности земских миров не стало научно значимым направлением и впоследствии. Так, например, популярный очерк В. Б. Кобриня был посвящен почти исключительно поиску «ростков элементов правового государства», которые автор усматривал единственно в избрании монархов и ограничении их власти³.

Между тем, большую роль в понимании движения, синхронного восстанию Болотникова, сыграли опубликованные В. И. Корецким документы 1606–1607 гг.⁴ Проанализировавшие их В. Д. Назаров и Б. Н. Флоря еще в начале 1970-х гг. пришли к выводу, что в юго-восточных городах также создавались всесословные органы власти, объединявшие дворян, посадских людей и крестьян⁵. Аналогичная постановка проблемы содержится в новаторском исследовании Б. Н. Флори, который рассматривает Смуту как гражданскую войну, особую роль в которой играли «посадские

«миры», стремившиеся вернуть себе утраченное в предшествующие годы самоуправление и оказывать влияние на положение тянувшей к городу сельской округи»⁶. Опираясь на материалы по истории земских учреждений Пскова и Торопца второй половины XVI в., мы пришли к выводу об эффективности земских преобразований в этих городах. Их результатом было создание структур, придававших посадской общине качества самодовлеющего социального института⁷.

В настоящей статье рассматривается состояние земских институтов в русских городах и землях в годы Смуты и народные движения в них, стимулированные разраставшейся гражданской войной и интервенций. Такое исследование должно базироваться в том числе на источниках, почему-либо оказавшихся вне поля зрения историков. Одни из таких источников – Уставная грамота посадским людям Шуи от 7 июля 1606 г., впервые изданная В. Борисовым по списку, позднее переданному в Археографическую комиссию⁸. Побудительные причины выдачи этой грамоты изложены в ее преамбуле, где говорится о том, что шуяне обладали уставной грамотой Ивана IV, позднее переписанной на имя Лжедмитрия I, вместо которой они попросили выдать грамоту на имя Василия Шуйского.

Право на земское самоуправление посадские люди Шуи получили в полном объеме: «А судитися шуяном посадским людем по сей нашей уставной грамоте меж себя самим по прежнему; а кому их судити и управа меж их чинити, и наши четвертные доходы сбирати по книгам сполна, и шуяне посадские люди всем посадом выбирают меж себя в излюбленные в земские судьи по годом посадских же лутчих и средних людей добрых и просужих...; а по выбору те их излюбленные земские судьи их шуян посадских людей судят и управу меж их чинят безволожитно, и наши четвертные доходы за наместничьих пошлинных людей доход и за присуд, и всякие

наши четвертные доходы собирают по книгам сполна...»⁹. Цитированный фрагмент убеждает, что земское самоуправление посад Шуи получил в полном объеме, поскольку «четвертные доходы за наместничьих пошлинных людей доход и за присуд» есть не что иное как кормленный окуп, возложенный на посад в ходе реформы 1550-х гг.

Факт оживления деятельности посадского мира в Шуе в период царствования В. Шуйского выглядит далеко не случайным явлением на фоне комплекса арзамасских документов, датированных ноябрем 1606 г., временем наступления армии Болотникова и Пашкова на Москву. Эти «поволжские отписки» подвергались исследованию И. И. Смирновым и В. И. Корецким на предмет выяснения отношения Болотникова к идеологии самозванчества¹⁰. Документы, однако, содержат важные сведения о самоорганизации местных уездных миров, примкнувших к повстанцам и даже совершившим безуспешный рейд к Нижнему Новгороду. Стоявший во главе Арзамасского уездного мира воевода Б. И. Доможиров писал отписки своему дальнему родственнику Ф. М. Доможирову и другим адресатам от имени всех сословий: «...Борис Доможиров, и дворяне, и дети боярские, и всякие служилые люди, и земские посацкие люди арзамасцы челом бьют».

Борис Доможиров сообщал об отправке под Нижний двух сотен поместного ополчения по приговору всех перечисленных в обращении сословий с прибавлением «волосных людей»¹¹. Л. В. Черепнин в свое время охарактеризовал это собрание как «уездный совет, своего рода земский собор в миниатюре, объединявший три сословия»¹². Цитированные отписки, конечно, не дают возможности строго обозначить характер совещания, вынесшего приговор об отправке служилых людей в поход. Очевидно, что увлекшись косвенными показаниями источников, можно провести аналогии столь же смелые, сколь и бесплодные. Пока лишь мы констатируем,

что союз уездного мира Арзамаса с повстанцами стал важнейшим побудительным мотивом к консолидации сословий.

Однако наиболее показательны факты активной деятельности в годы Смуты посадского мира Пскова, захваченного войсками тушинского воеводы Плещеева 1 сентября 1608 г.¹³ Захват Пскова, не прерывавшего в это время интенсивной торговли с Прибалтикой, стал для Лжедмитрия II крупнейшим успехом, но весной 1609 г. тушинская администрация Пскова оказалась в сложном положении. Город подвергся усиливавшемуся натиску отрядов новгородского ополчения М. В. Скопина-Шуйского, твердо сохранявшего верность правительству Шуйского и готовившегося к походу на Москву. И в этот момент оборонительным возможностям Пскова был нанесен смертельный удар. 15 мая 1609 г. в городе произошел небывалый пожар: «...загорелось на Полонищи в Успенья Богородицы, кисель варили». Пожар охватил большую часть города, включая Кремль, где «зелием вырвало обе стене на Великую реку и на Пскову реку, и наряд весь огорел и башни и раскаты и врата градские все просты выгорели, и зелие и оружие все згорело у всяких людей». Летописец заметил, что «тогда дети боярские новгородские и псковские выехали в Новгород»¹⁴. Из Пскова начались отъезды служилых людей, что серьезно подрывало его оборонноспособность.

С другой стороны, в Пскове началась внутренняя борьба, происхождение и характер которой были неясны как для современников, так и для историков. В летописи эти события названы «несказанными» — летописец затруднялся подобрать им точное определение. События в Пскове в эпоху Смуты начала XVII в. изучали многие российские историки начиная с С. М. Соловьева. Однако такие исследователи, как С. Ф. Платонов, И. И. Смирнов, Н. Н. Масленникова, излагали факты, известные уже Соловьеву, почти ничего не добавив к давно введенному в научный оборот комплек-

су источников¹⁵. Такая ситуация хорошо объяснима: в распоряжении историков имеется один основной источник — Псковские летописи, и почти полностью отсутствовал актовый материал. Выводы, сделанные на основе летописного материала, многократно воспроизводились в литературе, переходя от одного автора к другому. Задача данного исследования состоит в том, чтобы осуществить анализ событий начала XVII в., опираясь на псковские летописи, но сопоставив содержащуюся в них информацию со сведениями других источников, преимущественно делопроизводственных.

В мае 1609 г. часть жителей Пскова — духовенство, «большие люди», оставшиеся в городе дети боярские — стремились вернуть город под власть законного царя Шуйского. «Ратные люди, стрельцы и казаки, и мелкие люди и поселяне» сохраняли верность «вору». Во время нападения на Псков новгородского отряда Шарова 19–21 мая в городе были осуществлены экстраординарные меры: «...измены для у бояр коней отняли, и стрельцам дали выезжати против новгородцов, а отъезжих боярынь в полаты пересажали и животы переписали; и новгородцы прочь пошли, и бояром кони отдали и боярынь выпустили ис полаты»¹⁶.

Однако репрессии против «больших людей» на этом не прекратились. Из летописи известно о систематических пытках, применявшихся по отношению к противникам тушинского режима: «А пытали у Смердых ворот, и коих имали в языках, и оне на пытках сказывали, что де изо Пскова пишут, и велят приходи ратию на Псков. И бояр многих мучили и жгли и ребра ломали, поне же бояре ссылалися изо Пскова в Новгород и большие люди; и пытали священников и Семена Великого и Омеляна Титова и инех». В литературе лето 1609 г. в Пскове традиционно интерпретируется как «высшая точка борьбы классов» и период восстания меньших людей, в ходе которого «угнетенная масса

выдвинула из своей среды вождя народного движения — Тимофея Кудекушу»¹⁷. «Мужик простой Тимофей», по сообщению летописи, «воеводам указывал и стоял крепко у пыток, и иные к нему таковии же пристава и овладеша градом». Достаточно ли этих свидетельств летописца для характеристики событий в Пскове в мае — августе 1609 г. как «восстания меньших людей»? Основания сомневаться в такой интерпретации событий дает анализ документального материала, современного или близкого описываемым событиям. Эти материалы можно считать синхронными, возникшими в пределах времени совершения изучаемого события, или упоминающими участников этих событий.

В отличие от ретроспективных летописных заметок они вполне достоверны, а их исследование позволяет заметить в летописных сообщениях такие оценки и интерпретации, которые расходятся с показаниями этих документальных материалов. Из анализа актового материала следует, во-первых, что ни «перепись животов», ни пытки не применялись систематически и целенаправленно. Спустя восемь лет после так называемого «восстания» в 1617 г. в Пскове проводился обыск, в котором участвовали гость Семен Якимов сын Великой и сын также подвергавшегося пыткам в 1609 г. Омеляна Китова (Титова) Федор Омелянов сын Китов. В списке псковских купцов, включавшем 33 «лутчих» торговых человека, Великий и Китов занимали первую и четырнадцатую позиции. Этих «больших людей» вряд ли подвергали пыткам летом 1609 г., скорее всего, они подверглись унижительному допросу в присутствии палача. И гость Семен Якимович, и Емельян Китов сохранили свою собственность и высокий социальный статус. Единственной жертвой внутривластной борьбы среди верхушки посада был гость Алексей Хозин, убитый стрельцами 18 августа 1609 г. Однако убийство Хозина не только не сопровождалось конфискацией, но и, видимо, разграблением его двора. В обыске 1617 г.

на второй позиции среди псковских гостей стоит сын убитого гость Никула Алексеев сын Хозин¹⁸.

Во-вторых, к периоду так называемого «восстания меньших людей» относится грамота наместника Засекина, датированная июнем 1609 г. и адресованная польскому наместнику Дерпта Бормовскому. Это единственный известный нам акт, вышедший из Псковской воеводской избы в период управления тушинцев, и единственный акт, в котором перечислена правящая верхушка Пскова: воевода и наместник Засекин, думный дьяк Лговский, дьяк Афонасий Истомино, всегородный староста Федор Игнатьев. Думный дьяк, которого в литературе с времен С. М. Соловьева называют, согласно Псковской летописи, Луговским, здесь назван Лговским (Льговским).

Грамота была отправлена «по соседскому совету», т. е. после обсуждения с соседями — посадскими людьми, представлявшими городские сотни. В документе содержалась просьба прислать из Прибалтики наемников для отражения нападений правительственных войск: «...и вам бы и ныне Великого государя нашего его царского величества отчине, граду Пскову от его государевых изменников от ноугородцких людей помочь учинити и прислати во Псковской уезд, на ноугородцкой рубеж, ратных охочих волных конных и пеших людей, шляхты и гайдуков, расписав ротами, которые похотят великому государю нашему служить из найму, и от его государевых изменников от ноугородцких людей, Псковской уезд уберечи с Великого государя нашего царя и великого князя Дмитрия Ивановича всея Руси самодержца ратными людьми задин...»¹⁹.

Весьма интересна лексика документа: своим государем псковская администрация признает «тушинского вора» Лжедмитрия II, царь Василий Шуйский и правительственные войска названы «изменниками», для борьбы с которыми и приглашаются наемники из-за рубежа. Грамоту достави-

ли в Дерпт сын боярский М. П. Карповской, стрелецкий сотник А. Бухвостов и посадский человек Р. Иванов. В акте нет ни единого намека на бушевавшее, согласно известным исследованиям, в это время «восстание меньших людей»; посадская община Пскова, дети боярские и стрельцы консолидировано выступают под знаменем самозванца против московского правительства.

В составе земской избы летом 1609 г., видимо, произошли изменения: всегородным старостой в июне 1609 г. являлся Федор Игнатьев. Это имя не встречается в числе 33 «лучших» посадских людей Пскова, участвовавших в обыске 1617 г. Можно предположить, что всегородный староста Ф. Игнатьев был избран из числа «средних» или даже «меньших» людей, хотя не исключено, что он происходил из верхушки посада, но ушел из Пскова вместе с тушинцами. Наконец, слова летописца о «боярах» и «боярынях», чье имущество было «переписано», а сами они подвергнуты пыткам, не следует понимать буквально. В Пскове в это время был единственный «боярин», имевший соответствующий чин — тушинский воевода Жирового-Засекин, от чьего имени наверняка и осуществлялись репрессии.

События лета 1609 г., безусловно, несли на себе печать социального антагонизма, однако очевидно, что перманентных беспорядков и репрессий в городе не было. Летописец, как человек своего времени, был склонен к риторическим эффектам, драматичности повествования и изображению нравоучительного характера. Так, под его пером возникли картины стихийно осуществляемых «казней и пыток». В течение всего времени так называемого «восстания меньших людей» во главе города находилась тушинская администрация в лице воеводы князя Засекина и дьяка Луговского, которые «стояли у пыток» совместно с псковскими старостами, мелкими людьми и стрельцами. Беспорядки и репрессии в Пскове, таким образом, были скорее

вспышками насилия, как, например, зверское убийство в тюрьме бывшего воеводы боярина Петра Шереметева и пусторжевского помещика Петра Бурцова, аресты 19–21 мая или столкновения посадских со стрельцами 18 августа²⁰. Эти эксцессы лишь способствовали укреплению власти тушинцев в Пскове, который приобрел твердую репутацию «воровского» города, будучи одним из бастионов разгоравшейся в стране гражданской войны. Псков имел первостепенное значение для самозванца, и не только как оборонительный центр.

Лжедмитрий II остро нуждался в деньгах, а большинство поддерживавших его уездов и городов были разорены. Из отписок тушинских наместников в Великих Луках ясно, что тушинская администрация старалась изъять в городах все наличные налоговые сборы: «что де у тебя на Луках в сборе томожных и кабацких денег или каких доходов ни буди, что ни есть, и государь царь и великий князь Дмитрий Иванович всея Руси... те все деньги велел дати пану Яну Павловичю Сопеге, кто ему тое государеву грамоту привезет». Псков мог дать самозванцу на порядок больше средств, нежели Великие Луки, и отношения Лжедмитрия II и Пскова определялись обоюдной заинтересованностью. А.С. Мельникова доказала факт интенсивной работы Псковского денежного двора в 1608–1609 гг., выяснив, что в то время в Пскове чеканились копейки с повышенной весовой нормой – 0,72 г. Эти полновесные копейки использовались не только для выдачи жалования казакам и польским наемникам, поддерживавшим самозванца, но и для привлечения на свою сторону псковичей. «Для тушинского правительства, – пишет Мельникова, – Псковский денежный двор должен был стать правительственным, центральным двором»²¹.

Важной опорой самозванца продолжали оставаться Великие Луки, где наместником Лжедмитрия оставался Ф. М. Плещеев. Из опубликованного Б. Н. Флорей письма А. Гусевского от 26 июля 1609 г. из-

вестно, что власть в Великих Луках принадлежала «поспольству», т.е. обществу, включавшему в себя служилых людей и «крестьян». Под последними, видимо, следует понимать тяглое население города и уезда в целом. Наместник Ф. М. Плещеев жаловался Гусевскому: «Наши собственные крестьяне стали нашими господами, нас самих избивают и убивают, жен, детей, имущество наше берут как добычу. Здесь, на Луках, воеводу, который был до меня, посадили на кол, лучших бояр побили, повешали и погубили, и теперь всем владеют сами крестьяне, а мы, хоть и воеводы, из рук их смотрим на все»²². Очевидно, что по сравнению с Великими Луками накал социальной борьбы в Пскове был гораздо ниже.

К тому же влияние «меньших людей» в Пскове оказалось кратковременным. 18 августа 1609 г. стрельцы «своим самовольством» казнили гостя Алексея Хозина, вызвав немедленный отпор всего городского населения. Псковский летописец отметил, что «божиим строением поднялися всякие люди, большие и меньшие..., и на стрельцов, что без городцкого ведома владети хотят и казнити ведут не со всех думы, сами умысля, самоволием улучаючи, а Псковом того не ведают...». Посадские люди изгнали стрельцов за пределы крепостных стен, и те надолго обосновались в укрепленной слободе за рекой Мирожей. Тюрьмы, где находились противники тушинцев, были «распущены», а в городе взяли верх «большие люди». Во всегородной избе проводились дознание и пытки, у которых теперь «стояли» священнослужители. На активных сторонников тушинского вора обрушились репрессии: 10 человек казнили, других арестовали («насажали полату мелких людей полну»)²³.

Как видно, события в Пскове в 1609 г. не подпадают под принятое в науке определение их как «восстания меньших людей». Несмотря на периодические изменения в руководстве всегородной избы, случаи насилия по отношению к верхушке общества были единичными. Имя «ложного

царя» Дмитрия продолжало выполнять важнейшую функцию консолидации посадского мира как перед лицом внешней угрозы (правительственных войск), так и перед лицом угрозы внутренней (стрельцы). Даже летом 1609 г. властные механизмы Пскова не подверглись дезорганизации, и вплоть до лета 1612 г. всегородная изба Пскова играла решающую роль в управлении городом и примыкавшей к нему сельской округой.

Изложенные факты позволяют утверждать, что период Смутного времени был временем оживления деятельности земских миров, нашедшей свое выражение в организации посадских общин на почве фискальной ответственности в периоды стабилизации и в создании всесословных органов самоуправления на почве политического противоборства. Распространенное представление об упадке земских органов самоуправления в годы опричнины и после нее и их «возрождении» лишь в 1611–1612 гг.²⁴ зиждется на идеализации

земской организации. Существование земских учреждений как политически цельного сословно-представительного механизма самоуправления для России XVI–XVII вв. недостоверно. Даже в период проведения земской реформы в 1550-х гг. не существовало единого плана преобразований, которые осуществлялись постепенно и в разном объеме²⁵. Поэтому посады разных регионов России получили разный объем прав, либо получив некоторую автономию от наместничьей администрации, либо избавившись от нее вовсе. Но даже обладая фискально-юридической автономией не в полном объеме, города, в период Смуты стали, по выражению Э. Гидденса, «контейнерами генерирования власти» и местами концентрации ресурсов²⁶. Несмотря на то, что земские учреждения использовались противоборствующими политическими сторонами как инструмент в борьбе за власть, они смогли отстоять свои локальные интересы, борьба за которые продолжится в течение всего XVII в.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Соловьев С. М. Сочинения. – М., 1990. – Кн. IV. – С. 500–514; Платонов С. Ф. Очерки по истории Смуты в Московском государстве. – М., 1995. – С. 249–260.

² Шумаков С. А. Губные и земские грамоты Московского государства. – М., 1895. – С. 31; Ключевский В. О. Сочинения в девяти томах. – М., 1988. – Т. 3. – С. 139–140.

³ Кобрин В. Б. Смутное время – утраченные возможности // История Отечества: люди, идеи, решения. Очерки истории России IX – начала XX в. – М., 1991. – С. 163–185.

⁴ Корецкий В. И. К истории восстания И. И. Болотникова // Исторический архив. – 1956. – № 2. – С. 129–131; Восстание Болотникова: Документы и материалы. – М., 1959. – С. 207–210; Народное движение в России в эпоху Смуты начала XVII века, 1601–1608. – М., 2003. – С. 113–115.

⁵ Назаров В. Д., Флоря Б. Н. Крестьянское восстание под предводительством И. И. Болотникова и Речь Посполитая // Крестьянские войны в России XVII–XVIII вв. – М., 1974. – С. 351.

⁶ Флоря Б. Н. Польско-литовская интервенция в Россию и русское общество. – М., 2005. – С. 372–373.

⁷ Аракчеев В. А. Земская реформа XVI века: общероссийские тенденции и региональные особенности // Отечественная история. – 2006. – № 4. – С. 3–11.

⁸ Борисов В. Описание города Шуи и его окрестностей с приложением старинных актов. – М., 1851. – С. 224–230; Наместничьи, губные и земские уставные грамоты Московского государства. – М., 1909. – С. 147–150.

⁹ Наместничьи, губные и земские уставные грамоты... – С. 148.

¹⁰ Смирнов И. И. Из истории восстания И. И. Болотникова // История СССР. – 1966. – № 3. – С. 70–80; Корецкий В. И. Формирование крепостного права и первая крестьянская война в России. – М., 1975. – С. 296–300.

ИСТОРИЯ, СОЦИОЛОГИЯ

---

¹¹ Народное движение в России в эпоху Смуты начала XVII века, 1601–1608. – М., 2003. – № 26. – С. 115.

¹² *Черепнин Л. В.* Земские соборы Русского государства в XVI–XVII вв. – М., 1978. – С. 170.

¹³ Подробнее см.: *Аракчеев В. А.* Средневековый Псков: власть, общество, повседневная жизнь в XV–XVII вв. – Псков, 2004. – С. 157–196.

¹⁴ ПЛ. – Вып. 2. – С. 271.

¹⁵ *Соловьев С. М.* История России с древнейших времен. Т. 7. // *Соловьев С. М.* Сочинения. – М., 1989. – Кн. IV; *Платонов С. Ф.* Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI–XVII вв. – М., 1995; *Смирнов И. И.* Восстание Болотникова: 1606–1607 гг. – М.; Л., 1951; Псков: Очерки истории. – Л., 1990. – С. 84–97.

¹⁶ ПЛ. – Вып. 2. – С. 271.

¹⁷ Псков: Очерки истории. – С. 92–93.

¹⁸ РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. 1618 г. № 1. Л. 72.

¹⁹ Акты исторические. – СПб., 1841. – Т. 2. – № 238. – С. 280.

²⁰ Акты служилых землевладельцев XV – начала XVII в. / Сост. А. В. Антонов. – М., 2002. – Т. 3. – С. 499.

²¹ *Мельникова А. С.* Русские монеты от Ивана Грозного до Петра I. – М., 1989. – С. 98–100.

²² *Флоря Б. Н.* К истории Смуты на западе России // ОИ. – 2002. – № 3. – С. 132.

²³ ПЛ. – Вып. 2. – С. 272–273.

²⁴ Власть и реформы: от самодержавной к советской России. – СПб., 1996. – С. 102.

²⁵ *Аракчеев В. А.* К вопросу о географии и хронологии земской реформы 1551–1556 гг. // Отечественная история. – 2007. – № 6. – С. 40–50.

²⁶ *Giddens A.* Nation-State and Violence. – Cambridge, 1985. – P. 13.